

Лучшая роль Олега

Ефремову – семьдесят

Общ. раб. - 1994 - 2 - 8 окт. с 40.

Егор ЯКОВЛЕВ

В редакции меня достали: позвоните Ефремову, нужно интервью к его юбилею. Набираю номер. «Егор?» – узнает с первых же слов, хотя не перезванивались несколько лет. Начинаю убеждать: мол, у тебя круглая дата, вот и расплачивайся беседой с корреспондентом «Общей газеты». Выдержав достойную паузу, Художественный театр как-никак, Олег ответил с давным-давно знакомой интонацией: она словно звоночек, который предупреждает – сейчас тебя обьегорят.

– Случись у тебя круглая дата, я не стал бы просить интервью, а написал бы сам то, что о тебе думаю...

Не знаю, где будут праздновать этот день рождения. А тот отмечали на углу Гагаринского и Старокожуховского. Там и сегодня открыта булочная. А над ней, в коммунальной квартире, жил Олег с родителями. Не соврать бы, когда это было... Думаю, в пятьдесят четвертом. Значит, Олегу исполнялся тридцать один год.

Отец его, кажется, бухгалтер, остался в памяти высоким, как и Олег, подтянутым и строгим. Сын становится похож на него, когда, перестав подтрунивать и улыбаться, начинает выдавать текст, который ни обсуждению, ни обжалованию не подлежит. Все это, впрочем, я выгребая из бесконечно далеких складок памяти. Теперь мне, пожалуй, легче вообразить, что за праздничным столом на месте главы семьи сидел Виктор Розов. В моих представлениях он и есть прародитель Олега. Не только режиссера, актера, театрального реформатора, а прежде всего человека, высветившего своей душой все эти предзнаменования. Драматургия Розова – «В добрый час», «В поисках радости», «Вечно живые» – определила становление Олега, так же, как его талант, в свою очередь, во многом прославил то, что писал Розов. Это само собой разумеется, а потому банально. Интересней та связь, то совпадение, которые определили совместное возвышение драматурга и человека театра. Каким-то чудом они вместе оказались в одном временном зазоре, еще не видя, но уже предчувствуя: подкрадывается новое время.

С Виктором Розовым я недостаточно знаком, чтобы судить о его духовном становлении. А с Олегом у нас это происходило одновременно, часто – просто вместе. В начале улицы Горького, в шикаришейшем доме по тем временам, жила Мария Андреевна Попова – наша незабвенная Анка-пулеметчица. У ее дочери Зины мы и собирались вечерами, когда заканчивался спектакль Детского театра, где служил тогда Олег. Мне трудно определить, что же происходило в доме бывшей чапаевки, которую, кстати, мы никогда не встречали, располагаясь в комнате ее дочери. Говорили и говорили. Теперь, пожалуй, я могу сказать: это был кружок взаимных размышлений. Именно там, например, я – секретарь Свердловского райкома комсомола – услышал именно из уст Олега – секретаря комитета комсомола Детского театра

Фото Михаила КЛИМЕНТЬЕВА

– критику доклада Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Помнится, возмущал Олега изо всех сил. В этих разговорах (нет ничего опасней разговоров – и в политике, и в любви, и в объяснениях с начальством), да, прежде всего в них, и родилось, проклюнулось желание улучшить жизнь, время, выпавшие на нашу долю, людей, нас окружавших, и начальство, нами распорядившееся. Стремление, лишь чуть наметившееся в наших ночных спорах, стало со временем всеопределяющим направлением жизни и для Олега, и для меня. Впрочем, сегодня – об Олеге.

Стремление к улучшению, которое у кого-то вызывает сегодня усмешку: типичные, мол, приспособленцы, – было по тем временам отнюдь неординарным и далеко идущим. Оно противостояло господствующим нормам, поскольку не содержало в себе неперемного условия марксистской мясорубки: переделать человека во что бы то ни стало. Пусть и не сформулировав, мы желали помочь человеку быть таким, каков он есть. Живые – должны быть живыми, мертвые – мертвыми. Вот эта более чем незатейливая мысль определила становление Олега. С этим он пришел в искусство, создал свой театр и до сих пор остается на сцене. Я это не просто понимаю, а как представляется мне, постиг собственным жизненным опытом и опытом моего поколения. Все годы, стараясь улучшить окружающее нас, мы эмпирическим путем подвели страну к убеждению, что улучшить этот режим невозможно, его можно лишь сломать. И, чтобы прийти к этому, нужны были «Современник» Ефремова, драматур-

гия Розова, «Новый мир» Твардовского. И многое, многое другое.

О первом спектакле, который Олег стал репетировать с ребятами из школы-студии МХАТ, где сам и преподавал, он мне сказал лишь, что это пьеса Розова и она лучше из того, что он написал. Я спросил: о чем же пьеса? И Олег, этак свысока, бросил: о жизни. Мне осталось только раздраженно пожать плечами: тоже мне, пижон, не может толком рассказать.

А вскоре случилось так, что рождающейся студии негде было репетировать, и Олег попросил сделать это у меня дома. Они собрались в старой замоскворецкой квартире, обставленной еще с довоенных времен. И стали играть, играть так, словно все здесь было декорациями для спектакля «Вечно живые». Про жизнь!

Появился «Современник», а с ним пришла слава. Олег освоился с ней без натуги, оставаясь, каким был. Не корчил из себя аристократического, не кичился преуспеваемом. Имел дела с сильными мира сего, а точнее, использовал их лишь затем, чтобы сохранить студию. Политические наряды на себя не примерял, в советника подле главы государства не терся, в законодательное собрание не баллотировался.

Пройдя бесконечную вереницу руководящих кабинетов, знал, как свою роль на сотов спектакле, где следует включить обаяние, а когда надо вспылить. Жертвой его обаяния стала, несомненно, министр культуры Фурцева. Не устояв, она решилась: «Современнику» быть. Впрочем, это не мешало Олегу вечером за столиком Дома актера рассказать мне анекдот. Несет человек

на демонстрации портрет Фурцевой, кто-то ему на ногу наступил. «Осторожно, портрет вождя несущ!» Вновь наступили. «Сказано, вождя несущ». И еще раз наступили. «Сейчас я тебя этой б... вдарю!»

Свое занятие в театре он видел в одном, и день за днем были этим заполнены: пробить то, что не разрешают. Пробить, а не подыграть. Сейчас и передать трудно, как велика была эта доблесть пробытия. К шестидесятилетию Октября поставил трилогию «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики». Сегодня непременно скажут: все ясно, хотел отличиться. А на самом деле, Олег шел, в общем-то, на Голгофу: лишь бы сказать о прошлом так, как до сих пор не разрешалось...

Сломался Олег, во всяком случае, вызвал недоумение к себе, лишь однажды. Когда согласился возглавить МХАТ, расстался с «Современником». Конечно же, предложение было бесконечно заманчивым, оно подводило черту под тем, чего мог добиться еще недавний актер Детского театра. К тому же нас всегда выручает надежно скрытая, но постоянно теплящаяся надежда на возрождение. Вдруг оно тебе удастся. Возрождение МХАТа, телевидения или всей страны. И все-таки согласился Олег не потому, что был озабочен карьерой, не оттого, что подфартило. Уверен: определяющим было иное. То, с чего начиналось, – с надежды на улучшение, а она все больше исчерпывала себя. Упираясь, испуганно пятясь, мысль общества волей-неволей приближалась к идее слома. Ее не мог разделить «Современник» с его исконно гуманистическими корнями: молодые побеги пробивались через жухлую траву дряхлевшего Художественного театра. Приближающееся будущее было, скорее, по вкусу «Таганке» – здесь больше стремились потратить мир, чем его улучшить. Когда мы с Юрием Петровичем Любимовым сочиняли первое письмо-манифест, обосновывающее появление этого театра, он все время использовал определение «Театр революции».

«Современник» жив и без Олега, но былых взлетов уже нет. Конечно же, не потому, что Ефремов более удачливый режиссер, чем Волчек. Ерунда! Исчерпана эпоха, как была к концу 92-го исчерпана ниша, облюбованная для «Московских новостей».

...А как же насчет лучшей роли Олега? Можно сказать, что это – самая долгая, на моей памяти, роль театрального реформатора. Но это слишком общее определение. Знаете, какая у него лучшая роль? Вспомните клип, созданный Денисом Евстигнеевым, сыном друзей Олега – Гали Волчек и Жени Евстигнеева. Олег сидит на месте вагоновожатого и ведет трамвай по бульвару вдоль Чистых прудов. Крутит ручку и улыбается. Улыбается так, как может только Олег: и в «Трех тополях на Плющихе», и в «Берегись автомобиля». Как улыбаются, в общем-то, всегда, никогда не изменяя своей сердечности.

А за «Аннушкой», зацепившись зонтиком, скользит на роликах девочка-былинка, девочка-снегурочка. Когда-то и ей предстоит пережить свое семидесятилетие.